

Небо повсюду

Автор:

Дженди Нельсон

Небо повсюду

Дженди Нельсон

Young Adult. Клуб разбитых сердец

Мировой бестселлер!

Книга переведена на 22 языка мира. Более 90 изданий и переизданий.

Экранизация в 2022 году.

Победитель премий Printz Award и YALSA за лучший Young Adult роман.

«Захватывающая, романтическая, душераздирающая и мудрая история о невероятной потере и столь же невероятном самопознании». – Гейл Форман, автор бестселлера «Если я останусь»

Иногда нужно потерять все, чтобы найти себя.

Семнадцатилетняя Ленни Уокер играет на кларнете в школьном оркестре. Она тяжело переживает внезапную смерть старшей сестры. Дружба с Тоби, бывшим парнем ее сестры, помогает Ленни пережить боль утраты.

Однажды в школе появляется Джо, талантливый музыкант, который недавно вернулся из Парижа.

Эти парни совершенно разные. Тоби может выслушать и понять, а Джо и Ленни объединяет любовь к музыке. Но Ленни понимает, что рано или поздно ей

придется выбрать одного из них. Что подскажет ей сердце?

Для фанатов Джона Грина, Лорен Оливер, Николы Юн и Рэйнбоу Рауэлл.

Дженди Нельсон

© Денисова П., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Дорогой читатель,

я написала «Небо повсюду», когда переживала катастрофическое горе от потери близкого человека. В это беспокойное время я мечтаю о таком мире, в котором жизни не тратятся напрасно и семьям не приходится бороться за жизнь без тех, кого они любят и ценят больше всего. Я очень надеюсь, что вам понравится эта история о любви и горе, радости и печали.

Дженди Нельсон

Моей матери

Часть первая

Глава 1

Бабуля беспокоится обо мне. Не только потому, что моя сестра Бейли умерла месяц назад, и не только потому, что я уже шестнадцать лет ни слова не слышала от мамы, и даже не из-за того, что внезапно все мои мысли заняты исключительно сексом. Она забеспокоилась, потому что на одном из ее комнатных растений появились пятна.

Почти все семнадцать лет моей жизни бабуля верила, что этот конкретный цветок (понятия не имею, как он называется) отражает мое физическое, эмоциональное и духовное состояние. Со временем я и сама в это поверила.

Я сижу в комнате. В противоположном ее углу бабуля (сто восемьдесят сантиметров, облаченные в платье с цветочным орнаментом) нависла над пятнистой листвой.

– Только не говори, что на этот раз он не поправится! – обращается она к дядюшке Бигу. Этот местный арборист, любитель марихуаны и вдобавок ко всему безумный ученый знает обо всем понемножку. Но о растениях ему известно решительно все.

Задавая этот вопрос, бабушка смотрит на меня. Любому постороннему наблюдателю это показалось бы странным, нелепым даже, но дядюшка Биг все понимает: он тоже не отрывает от меня взгляда.

– На сей раз болезнь крайне серьезна, – зычно провозглашает он, словно стоит на сцене или читает проповедь с кафедры. Что бы ни говорил дядюшка, слова его звучат значительно. Даже просьба передать соль в его устах кажется библейской заповедью.

Бабуля в отчаянии закрывает лицо руками, а я принимаюсь записывать стихи на полях «Грозового перевала». Я уютно устроилась в углу дивана. Говорить сейчас бесполезно, да можно хоть полный рот скрепок напихать, никто и не заметит.

– Но раньше цветок выздоравливал! Помнишь, когда Ленни сломала руку...

- ...тогда листья пошли белыми пятнами.

- Или прошлой осенью. После прослушиваний на первого кларнетиста, когда ее оставили на второй партии.

- Теперь пятна бурые.

- Было еще...

- На сей раз все иначе!

Я поднимаю взгляд. Эта парочка долговязых тарачится на меня с тревогой и скорбью в глазах.

Цветоводческая компания Кловера может по праву гордиться садом бабули. Во всей Северной Каролине вы не встретите ничего подобного. Розы тут по весне взрываются таким безумным фейерверком красок, что перед ним меркнут все закаты, а благоухание от них разносится такое густое, что городские предания гласят: вдохнешь его – и в ту же секунду падешь жертвой любви. Но, сколько бы бабуля ни старалась, ее усилия и талант в случае с этим цветком не приносили никаких плодов: он отражал события моей жизни, не подчиняясь естественным законам и не обращая внимания на уход.

Я кладу книжку и ручку на стол. Бабушка склоняется к растению и шепчет ему, как важно сохранять *joie de vivre*, а потом шаркает к дивану и садится рядом со мной.

Громадный Биг плюхается рядом с ней. Мы так и сидим весь день втроем, уставившись в пустоту, а наши одинаковые шевелюры напоминают взъерошенных ворон с блестящими черными перьями.

Мы так живем с тех пор, как месяц назад моя сестра Бейли внезапно скончалась от аритмии, репетируя сцену из «Ромео и Джульетты» для местного театра. Будто, пока мы смотрели в другую сторону, кто-то пропылесосил горизонт – и мир исчез.

Глава 2

(Написано на обертке от чупа-чупса, которую нашли на тропинке к реке Рейни.)

Я возвращаюсь в школу. Да, я так и думала: толпа расступается передо мной, как Красное море перед иудеями. Разговоры стихают. Глаза блестят от взволнованного сочувствия. Все смотрят на меня, не отрываясь, словно я сжимаю в объятиях бездыханное тело Бейли. Наверное, так оно и есть. Ее смерть охватывает меня со всех сторон. Я вижу ее, и остальные тоже видят. Словно стоит прекрасный солнечный день, а я с ног до головы закутана в мешковатое черное пальто. А вот чего я не ожидала, так это внезапной шумихи вокруг новичка по имени Джо Фонтейн. Он появился, пока меня не было в школе. Куда бы я ни пошла, везде слышу одни и те же разговоры.

- Ты уже видела его?

- Он похож на цыгана.

- На рок-звезду.

- На пирата.

- Я слышала, он играет в группе. Называется «Дайв».

- Он вроде гениальный музыкант.

- Кто-то мне сказал, что раньше он жил в Париже.

- Выступал на улицах.

- Ты уже видела его?

Я его уже видела. Когда я вернулась на свое обычное место в оркестре, там сидел он. Даже оглушенная горем, я все же оглядела его: черные ботинки, бесконечные ноги, обтянутые джинсами, столь же длинный торс и, наконец, лицо: такое оживленное, что мне становится неловко – похоже, я прервала его разговор с моим пюпитром.

– Привет! – спрыгивает он с места. Ну и каланча. – Ты, должно быть, Леннон, – он указывает на имя, что написано на стуле. – Я слышал... Мои соболезнования.

Я замечаю, как он держит кларнет. Совсем не церемонится, вцепился в шейку, как в рукоять меча.

– Спасибо, – отвечаю я, и его лицо, до последнего миллиметра, превращается в улыбку. Ого! Его что, ветром из иного мира в нашу школу занесло? Чувак всеми порами источает счастье. В нашем обществе, где все из кожи вон лезут, чтобы выглядеть унылыми, он кажется инопланетянином. Его густые каштановые кудри торчат во все стороны, а ресницы так длинны, что напоминают паучьи лапки. Когда он моргает, похоже, что он строит вам глазки. Лицо его можно читать как открытую книгу, или нет, скорее как граффити на стене. Внезапно я поняла, что выписываю у себя на коленке пальцем слово «вау». Уж лучше заговорить и прервать эту неожиданную игру в гляделки.

– Обычно меня называют Ленни, – реплика не слишком оригинальная, но все же лучше, чем единственная альтернатива, а именно: восклицание «Хых!». Слова мои производят нужный эффект. Джо переводит взгляд на пол, и у меня есть время перевести дыхание перед очередным глядетельным состязанием.

– Мне вот интересно, Леннон – это в честь Джона?

А мне интересно, хлопнусь я сейчас в обморок или нет. Он не отводит от меня взгляда. Я лишусь чувств? Или меня разорвет от их избытка?

Я киваю:

– Мама была хиппи.

В конце концов мы же живем на севере Северной Каролины – на последнем рубеже Страны чудаков. В выпускном классе у нас учится девочка по имени Электричество, есть мальчик по имени Волшебный Автобус и бесчисленные цветочки: Тюльпан, Бегония, Маков Цвет. Эти имена придуманы родителями и записаны в свидетельствах о рождении. Двухметровый громила Тюльпан был бы звездой футбольной команды, если бы в нашей школе она была. Но ее нет. Мы по утрам собираемся в спортзале на факультативные занятия медитацией.

– А, ага, – отвечает Джо, – моя мама тоже. И папа. А еще дяди, дяди, братья, двоюродные братья и сестры... Добро пожаловать в коммуны семьи Фонтейн!

Меня охватывает смех:

– Ясно!

Хотя погодите-ка, мне вообще можно так запросто смеяться? И нормально ли, что мне весело? Должно ли мне быть хорошо? Я будто прыгаю в прохладную речную воду.

Интересно, на нас кто-нибудь смотрит? Я оборачиваюсь. И как раз вовремя: в музыкальную комнату только что вошла (вернее, ворвалась) Сара. Мы с ней не виделись чуть ли не с самых похорон. Меня охватывает смутное чувство вины.

– Ленни-и-и! – Она несется прямо к нам. На ней первоклассный костюм готической девушки-ковбоя: винтажное черное платье в обтяжку, грубые тяжелые ботинки, светлые волосы выкрашены в такой ядрено-черный цвет, что кажутся синими; на голове крутейшая широкополая шляпа. Сара приближается с такой ошеломительной скоростью, что не успеваю я подумать: «Она что, собирается мне на руки прыгнуть?» – как она кидается на меня, и мы обе кубарем летим на Джо. Он каким-то чудом сохраняет равновесие, и мы не вылетаем в окно.

Такова Сара в своем самом спокойном состоянии.

– Как мило, – шепчу я ей на ухо, пока она сжимает меня в медвежьих объятиях (и как только это получается у такой хрупкой пташки?), – нашла способ сбить с ног шикарного новичка!

Как странно и как прекрасно чувствовать, как кто-то трясется от смеха, а не от отчаяния.

Сара – самый вдохновенный циник на всей планете. Из нее получилась бы идеальная чирлидерша, если бы ее не воротило от так называемого школьного духа. Мы с ней помешаны на книгах, но она выбирает только самые мрачные книги. Прочла «Тошноту» Сартра в десятом классе – именно тогда она начала носить черное (даже на пляже), курить (и все равно выглядит она как самая здоровая девчонка в мире) и носиться со своим экзистенциальным кризисом (не переставая кутить ночи напролет).

– Рад снова видеть тебя, дорогая Ленни, – слышу я. Это мистер Джеймс. Про себя я зову его магистром Йодой – и за внешность, и за недюжинный музыкальный талант. Он встает из-за рояля и смотрит на меня с тем выражением беспредельной скорби, к которому я уже привыкла. Все взрослые теперь смотрят так на меня. – Прими наши глубочайшие соболезнования.

– Спасибо, – в сотый раз за день отвечаю я. Взгляды Сары и Джо тоже устремлены на меня. В глазах подруги читается беспокойство, а улыбка новичка скоро станет шире, чем континентальная часть Штатов. Интересно, он на всех так глядит? Может, он просто тупой? Впрочем, что бы там с ним ни было, это, видимо, заразно. Не успела я опомниться, как к Америке на моем лице добавляются Гавайи и Пуэрто-Рико. Наверное, я сейчас похожа на веселую плакальщицу. Черт! И это еще не все. Теперь я думаю о том, каково было бы его поцеловать... по-настоящему! Ох! Это уже проблема. Такая проблема, какую прежняя Ленни и выдумать бы не могла. Что вообще за хрень происходит? Это началось во время похорон. Я захлебывалась тьмой, и внезапно все парни в зале словно засияли. Коллеги и одноклассники Бейли (я почти никого из них не знала) подходили и подходили ко мне, выражали соболезнования. Может, потому, что я похожа на сестру, а может, им просто было меня жаль. Так или иначе, я стала ловить на себе их многозначительные напряженные взгляды. И представляете, я внезапно поняла, что отвечаю на их взгляды. Словно это и не я была, не ко мне в голову приходили все эти дикие мысли, да еще и в церкви (ужас какой!), да еще во время похорон сестры.

Но из всего класса теперь для меня сиял только этот мальчишка. Видимо, он родом из какой-то очень дружелюбной части галактики, думаю я, пытаюсь убрать с лица эту улыбочку чокнутой, и едва удерживаюсь, чтобы не брякнуть Саре: «Он так похож на Хитклиффа!» Потому что внезапно понимаю, что, если

бы не его жизнерадостность, он и правда вылитый Хитклифф. И тут я чувствую удар под дых – жизнь валит меня на холодный асфальт. Я вспомнила, что не могу после школы побежать домой и рассказать Бейлз о новом мальчике из оркестра.

Весь день моя сестра умирает заново. Раз за разом.

– Лен? – Сара трогает меня за плечо. – Все хорошо?

Я киваю, силой мысли пытаюсь остановить поезд горя, который несется прямо на меня.

Кто-то начинает играть «Приближающуюся акулу» – главную тему из фильма «Челюсти». Я оборачиваюсь и вижу, как к нам не идет, а прям-таки скользит Рейчел Бразил. «Ну просто обхохотаться», – бормочет она на ходу Люку Джейкобусу (так зовут саксофониста, который исполнил этот аккомпанемент). Он один из многих оркестрантов, павших жертвой ее чар. Парней вечно сбивает с толку, что этот ужас, летящий на крыльях ночи, заключен в столь потрясающую оболочку. Еще больше их обескураживают огромные, как у лани, глаза и золотые кудри. Мы с Сарой считаем, что бог, создавая Рейчел, пребывал в ироническом расположении духа.

– Глядите-ка, ты уже познакомилась с маэстро, – обращается она ко мне. Грациозно опускаясь на сиденье (место для первого кларнета, там должна была сидеть я!), она походя гладит Джо по спине. Рейчел открывает футляр и начинает собирать инструмент.

– Джо учился в консерватории во Фра-а-анции. Он тебе рассказал? – Конечно, ей обязательно тянуть первую гласную в слове «Франция», по-человечески разговаривать она не может.

Я физически ощущаю, как бесится Сара. Она терпеть не может Рейчел; не выносит ее с тех самых пор, как та увела у меня из-под носа место первого кларнетиста. Но даже Сара не знает, что тогда произошло на самом деле. Никто не знает.

Рейчел так туго затягивает лигатуру на мундштуке, словно пытается задушить свой инструмент.

– Пока тебя не было, Джо потряса-а-ающе играл вторую партию, – она тянет «а» до самой Эйфелевой башни.

Я чуть не выпаливаю: «Рада, что у тебя все так отлично, Рейчел», но сдерживаюсь. Почему я не могу просто сжаться в комочек и укатиться отсюда? Сара оглядывает комнату с таким видом, словно ищет боевой топор.

Комната наполняется какофонией звуков.

– Заканчивайте настройку, сегодня я хотел бы начать вовремя, – обращается к нам мистер Джеймс из-за рояля, – и приготовьте карандаши. Я немного изменил аранжировку.

– Пойду постучу обо что-нибудь, – говорит Сара, бросает на Рейчел исполненный отвращения взгляд и удаляется к своим литаврам.

Рейчел пожимает плечами и улыбается Джо. Вернее, нет, не улыбается – сияет. Проклятие!

– Истинная правда! – снова обращается она к нему. – Ты играл, вернее, играешь потрясающе.

– Ты мне льстишь! – Джо наклоняется, чтобы убрать кларнет в футляр. – Я только заменял настоящего музыканта. Стул грел. А теперь пришла пора возвращаться туда, где мне место, – он указывает кларнетом на секцию горнов.

– Ты просто скромничаешь! – Рейчел перекидывает свои волшебные локоны через спинку стула. – В твоей музыкальной палитре так много оттенков.

Я смотрю на Джо, ожидая, что его тоже скрючит от этих нелепых слов, но вижу нечто совершенно иное: он улыбается Рейчел. Географически улыбается! У меня аж кровь к шее прилила.

– Ты же знаешь, что я буду скучать, – Рейчел корчит недовольную гримаску.

– Мы еще встретимся когда-нибудь, – отвечает Джо, хлопая ресницами, – например, на следующем уроке – у нас вместе история.

Меня словно не существует, и это только к лучшему: внезапно я забываю, что вообще нужно делать со своим лицом, телом и растоптанным сердцем. Я сажусь на свое место, попутно отметив, что ошибалась: этот ухмыляющийся и хлопающий ресницами дурень из Фра-а-анции совсем не похож на Хитклиффа.

Я открываю футляр, достаю оттуда и кладу в рот трость, чтобы немного смочить ее. И раскусываю ее напололам.

(Найдено на листке с партитурой, приколоченном к дереву в ущелье Флаинг-Мэн.)

Глава 3

Остаток дня проходит как в тумане. Я сбегая с последнего урока и ныряю в лес. Не хочу идти домой по дороге: так я рискую встретить кого-нибудь из школы. Особенно я опасаюсь Сары. Она сообщила мне, что, пока я скрывалась от глаз людских, она читала книги о потере близких. Эксперты как один уверяют, что мне пора поделиться с кем-нибудь своими чувствами. Но и она, и эксперты, и, если уж на то пошло, бабуля – все они ничего не понимают. Я не могу поделиться. Для этого нужно было бы изобрести новый язык: язык падения, движения тектонических плит, глубокой всепоглощающей тьмы.

Я иду через сосновый лес, и мои кроссовки жадно глотают влагу многодневных дождей. Всю дорогу я размышляю, зачем люди вообще придумали траурную одежду: скорбь сама по себе составляет весь необходимый гардероб. Увидев ее, никто не ошибется. Единственным, кто не заметил ее на мне (помимо Рейчел, которая в любом случае не считается), был новенький. В его глазах у меня словно никогда и не было сестры.

Я замечаю на земле обрывок бумаги, он не совсем вымок, и на нем еще можно писать. Я сажусь на камень, достаю ручку (теперь я всегда ношу ее в заднем кармане) и быстро записываю одну из наших бесед с Бейли на эту тему, а затем складываю бумажку и закапываю во влажную почву.

Когда я выбегаю из леса на дорожку к нашему дому, меня охватывает облегчение. Мне хочется поскорее оказаться дома, где присутствие Бейли еще так ощутимо, где я вижу, как она высовывается из окна (черные кудри разметались по плечам) и зовет меня: «Ленни, давай сбегает к реке! Быстрее!»

– Привет! – Я вздрагиваю. Голос Тоби застал меня врасплох. Они с Бейли встречались два года. Этот полуковбой-полускейтер был по уши влюблен в мою сестру, а последнее время не появляется, сколько бы бабуля ни приглашала его в гости. Она постоянно повторяет, что мы должны протянуть ему руку помощи.

Тоби лежит посреди сада в компании рыжих соседских собак Люси и Этель, которые расположились по обе стороны от него. Весной такое происходит постоянно: когда расцветает сирень и распускается дурман, сад бабули превращается в живое сновидение. Пара минут среди цветов – и вот даже самые энергичные посетители уже лежат в траве и считают облака.

– Я тут... это... пропалывал сорняки, бабуля попросила... – Заметно, как он стесняется своей расслабленной позы.

– Ага, этой участи не избегают даже лучшие из нас.

Со своей гривой волос и широким веснушчатым лицом Тоби настолько похож на льва, насколько вообще это возможно для человека. Бейли впервые увидела его, когда мы читали, шагая по дороге (вся семья грешит этим; наши немногие соседи прекрасно об этом осведомлены и поэтому, возвращаясь домой, пускают машину черепашим шагом. Так, на всякий случай, если кого-то из нас слишком захватит чтение). Я, как обычно, взяла с собой «Грозовой перевал», а Бейли погрузилась в свою любимую книгу «Как вода для шоколада». И тут по направлению к перевалу мимо нас рысью проскакал восхитительный гнедой конь. «Отличная лошадь», – подумала я и вернулась к Кэти и Хитклиффу. А через несколько секунд услышала стук – это упала на землю книжка Бейли. Она буквально застыла в паре шагов позади меня.

– Что случилось? – поинтересовалась я, глядя на свою внезапно остолбеневшую сестру.

– Ты видела этого парня, Ленни?

– Какого парня?

– Боже, да что с тобой не так! Этого роскошного парня на лошади. Он будто из моей книги выпрыгнул. Поверить не могу, что ты его не заметила! – Ее так же бесило мое равнодушное отношение к мальчикам, как меня – ее повышенный интерес к ним. – Он промчался мимо нас, но обернулся и улыбнулся, глядя на меня! Такой красавчик! И очень похож на революционера из книги... – Она наклонилась, подняла свой томик и смахнула с него пыль. – Ну на того самого, что в порыве страсти сажает Гертруду на лошадь и увозит...

– Да и фиг с ним! – Я снова утыкаюсь в книгу. Когда мы доходим до дома, я падаю в кресло на крыльце и тут же теряюсь в дебрях всепоглощающей страсти, что сотрясала английские пустоши. Я ничего не имею против любви, когда она надежно заперта между страницами книг, но уж точно не в сердце моей сестры. Стоило Бейли влюбиться, как она на целые месяцы забывала обо мне. Поднимая взгляд от книги, я неизменно видела ее стоящей на камне у дороги. Она делала вид, что читает, но притворство ее было видно невооруженным глазом. Сложно поверить, что она собирается стать актрисой! Она проторчала там несколько часов, дожидаясь возвращения своего революционера. И он в конце концов появился, но совсем с другой стороны. Он успел где-то обменять своего коня на скейтборд. Выходит, он не из книги появился, а с Кlover-Хай, как и все мы. Только тусовался он с фермерскими ребятами и скейтерами, и поэтому их дороги с моей сестрой, театральной дивой, до сего дня не пересекались. Но его происхождение уже ничего не значило: проскакав мимо, он опалил сердце Бейли и лишил ее способности здраво рассуждать.

Сама я от Тоби была не в восторге. Ни его ковбойские замашки, ни то, что он может подпрыгнуть на скейте, а потом прокатиться по бордюру спиной вперед, не могли искупить его вины: сестра превратилась в безвольную марионетку любви и, похоже, навсегда.

Вдобавок к этому на меня он обращал не больше внимания, чем на печеную картофелину...

– Как ты? – спрашивает Тоби, возвращая меня к реальности.

И я почему-то не вру ему: отрицательно мотаю головой туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда – от отрицания к отчаянию и обратно.

– Я знаю! – Он приподнимается, и по затравленному выражению его лица я понимаю, что это правда.

Мне хочется поблагодарить его за это молчаливое понимание, но я ничего не говорю. Солнце, словно из кувшина, льет жаркий свет на наши ошеломленные макушки. Тоби хлопает ладонью по земле рядом с собой, приглашая меня сесть. Я вроде как и хочу, но не решаюсь. Раньше мы в отсутствии Бейли как-то не общались.

Я показываю на дом:

– Мне нужно зайти.

Мне и правда нужно. Я хочу вернуться в Убежище, полное название: Внутреннее Тыквенное Убежище. Я переименовала нашу комнату несколько месяцев назад, когда Бейли убедила, что стены спальни должны быть оранжевыми – вызывающе огненно-рыжими. С тех пор при входе к нам желательно надевать темные очки. Уходя сегодня в школу, я заперла дверь, жалея, что не могу забаррикадировать ее от бабули и ее картонных коробок. Пусть Убежище останется таким, как сейчас. Как раньше. Для бабули такое мое желание значит только одно: я спрыгнула со своего дерева и мчусь по парку сломя голову. Если переводить с бабулиного на человеческий, это значит «окончательно свихнулась».

– Горошинка, – она появляется на крыльце, облаченная в пурпурное платье с узором из ромашек. В руках у нее кисточка, впервые с того дня, как умерла Бейли. – Как прошел первый день в школе?

Подхожу к ней и вдыхаю привычный запах: пачули, краска, свежая земля.

– Ничего, – отвечаю я.

Она вглядывается в мое лицо, будто собираясь рисовать меня. Мы молчим, и тишину привычно нарушает лишь тиканье часов. Я чувствую бабулино замешательство: она словно готова взять меня за плечи и потрясти, точно книгу, в надежде, что из меня посыплются слова.

- У нас в оркестре новенький.

- Правда? И на чем он играет?

- Похоже, что на всем.

Перед тем как сбежать в лес, я заметила их с Рейчел. Они шли по школьному двору, и у Джо в руках была гитара.

- Ленни, я тут подумала... Может, тебе поможет... подбодрит, знаешь ли...

Ох, я знаю, к чему она ведет.

- Ну помнишь, когда ты занималась с Маргарет, тебя было не оттащить от инструмента.

- Люди меняются, - перебиваю я ее.

Сколько уже можно это обсуждать? Я обхожу бабушку, чтобы войти внутрь. Мне хочется запереться в шкафу Бейли, вжаться в ее платья, втянуть запах прибрежных костров, кокосового масла для загара, розовых духов... ее запах.

- Слушай, - она протягивает свободную руку, чтобы поправить мне воротник. - Я пригласила Тоби на ужин. Он со своего дерева спрыгнул. Сходи к нему в сад, помоги с прополкой... или что он там делает.

Наверное, она и ему чего-то такого наболтала, чтобы он наконец пришел в гости. Ох!

И тут она бесцеремонно мажет мне по носу кисточкой.

– Бабуля! – воплю я ей в спину, потому что она уже повернулась и заходит в дом. Пытаюсь стереть рукой зелень с носа. Бабушка вечно подстерегала нас с Бейлз и измазывала краской – всегда-всегда зеленой. Все стены нашего дома покрыты ее картинами сверху донизу. Картины громоздятся за диванами и стульями, стопками лежат под столами, в шкафах, и каждая из них свидетельствует о неувядающей любви бабушки к зеленому цвету. У нее есть вся палитра: от лаймового до травянистого. Рисует она каждый раз одно и то же: стройных гибких девушек, полумарсианок-полурусалок.

– Это мои барышни, – говорила она нам с Бейлз, – живут между тем миром и этим.

Следуя ее просьбе, я оставляю футляр и рюкзак в доме и перебираюсь на теплую траву, под бок к Тоби. Он лежит на спине, и спящие собаки помогают ему «полоть сорняки».

– Племенной знак, – объясняю я, показывая себе на нос.

Он безразлично кивает, погруженный в цветочную кому. Теперь я для него зеленоносая картошка. Шикарно!

Я ложусь на спину, поджав колени к груди и приподняв голову. Мой взгляд перебегает от сирени на шпалерах к островкам ирисов, что перешептываются на ветерке. Один факт неоспорим: весна сегодня сбросила дождевик и резвится вокруг. Меня тошнит. Неужели мир уже забыл, что случилось с нами?

– Я никогда не уберу ее вещи в коробки, – выпаливаю я, – никогда.

Тоби перекачивается на бок, рукой прикрыв глаза от солнца, смотрит на меня и говорит, к моему изумлению:

– Ну конечно же нет.

Я киваю. Он кивает в ответ. Я снова откидываюсь в траву и закрываю лицо руками, чтобы он не заметил, что я слегка улыбаюсь в ладони.

И вот внезапно солнце уходит за гору. Эта гора – мой дядя Биг. Он нависает над нами. Наверно, мы с Тоби оба отрубались.

– Я чувствую себя доброй волшебницей Глиндой из страны Оз, – говорит он. – Смотрю тут сверху вниз на Дороти, Страшилу и двух Тоттошек, задремавших на маковом поле.

Пара снотворных цветков бессильны перед громогласным басом дяди Бига.

– Если вы не проснетесь, придется мне наслать на вас снежную бурю.

Я сонно улыбаюсь его огромным подкрученным усам. Они величественно восседают над его верхней губой, точно само воплощение чудачества. В руках у дяди небольшой красный морозильник, который он держит непринужденно, точно портфель.

– Как идет раздача продуктов? – Я стучу по морозильнику ногой. Мы столкнулись с непредвиденным ветчинным затруднением. Похоже, после похорон в Кловере вышел указ о том, чтобы все останавливались у нашего дома с куском ветчины. Она была повсюду: ею были забиты холодильник и морозилка, заставлены полки и плита; ветчина лежала в раковине и в выключенной духовке. Когда соседи заходили выразить свои соболезнования, их встречал в дверях дядя Биг. Мы с бабулей то и дело слышали, как он гудел: «О, ветчина! Спасибо вам за заботу, заходите, пожалуйста». Шли дни, и реакция дяди Бига на ветчину становилась все более бурной. Каждый раз, когда он восклицал: «Ветчина!», – мы с бабулей переглядывались, стараясь подавить неподобающее хихиканье. Теперь дядя поставил себе целью добиться, чтобы в каждом доме на двадцать миль вокруг люди хотя бы раз в день съедали бутерброд с ветчиной.

Он ставит морозильник на землю и протягивает мне руку, помогая подняться.

– Возможно, через несколько дней мы станем безветчинными.

Как только я оказываюсь на ногах, Биг целует меня в макушку и протягивает руку Тоби, а потом обнимает его. Тоби, и сам паренек весьма внушительный, целиком исчезает в этом медвежьем объятии.

– Ну что, ковбой, как живешь-можешь?

– Так себе, – признается тот.

Биг отпускает его, оставляя одну руку у Тоби на плече, а второй приобнимает меня. Он переводит взгляд с меня на него и обратно.

– Это нужно просто пережить... всем нам, – он провозглашает это, точно Моисей, и мы киваем, приобщившись великой мудрости. – А пока давай-ка найдем для тебя скипидара.

Он подмигивает мне. Дядюшка Биг – великий мастер подмигивать, и пять его жен тому доказательство. После того как пятая покинула его, бабуля настояла, чтобы он перебрался к нам.

– Ваш бедный дядюшка изморит себя голодом, если будет и дальше страдать от безнадежной любви, – объяснила она. – Разбитое сердце – плохой повар.

А теперь она собственным примером подтверждала эту поговорку: все, что она готовит, по вкусу напоминает пепел.

Мы с Тоби идем за дядей в дом. Внутри дядя Биг останавливается перед изображением сестры – моей пропавшей мамы Пейдж Уокер. Еще до того, как она исчезла шестнадцать лет назад, бабуля рисовала ее портрет. Закончить картину не удалось, но бабушка все равно повесила ее на стену. Пейдж парит над камином в гостиной: полумама с зелеными волосами, что струятся вокруг ее недорисованного лица.

Бабуля всегда уверяла нас, что наша мать вернется. Она говорила об этом так, словно мама отправилась в магазин купить яиц или ушла искупаться. Бабуля так часто и с такой убежденностью повторяла это, что мы до поры до времени не сомневались в ее словах. Просто ждали, когда зазвонит телефон, раздастся стук в дверь, придет письмо.

Я легонько касаюсь руки дяди Бига, он уставился на полумама так, словно ведет с ней молчаливый разговор. Дядя вздыхает, обнимает нас с Тоби, и мы плетемся на кухню, как трехголовый шестиногий мешок скорби весом в десять тонн.

Ужин наш вполне предсказуем: запеканка из ветчины с пеплом. Мы ковыряем вилками в тарелках.

Потом мы с Тоби садимся на полу в гостиной, слушаем любимую музыку Бейли, разглядываем бесчисленные фотоальбомы и, собственно говоря, разбиваем свои сердца на мелкие осколочки.

Я украдкой бросаю на него взгляды через комнату и чуть ли не наяву вижу, как она бросается к нему, подбегает со спины и привычно обвивает его шею руками. Она шептала ему на ухо возмутительные непристойности, и он дразнил ее в ответ, словно меня и не было рядом.

– Я чувствую, что Бейли тут, – говорю я наконец. Ощущение ее присутствия заполняет меня целиком, – в этой комнате, с нами.

Он в удивлении поднимает глаза от альбома, что держит на коленях:

– Я тоже.

– До чего хорошо, – выпаливаю я, чувствуя огромное облегчение.

Он улыбается, щурясь, словно сидит на солнце.

– Точно, Ленни.

Я вспоминаю, что Бейли однажды рассказывала мне: с людьми Тоби не особенно общителен, но ему хватает пары слов, чтобы приручить норовистую лошадь на ранчо. Как святой Франциск, сказала я тогда. Теперь я понимаю, о чем она говорила. Его неторопливая тихая речь и правда успокаивает – как волны, что плещутся по ночам о берег.

Я возвращаюсь к фотографиям Бейли: вот она в начальной школе, играет Венди в школьной постановке «Питера Пена». Мы больше не говорим об этом, но весь вечер я продолжаю чувствовать радость от присутствия сестры.

Позже мы прощаемся с Тоби в саду. Нас окутывает пьянящий, дурманящий аромат роз.

- Так здорово было посидеть с тобой, Ленни. Мне стало лучше.

- И мне тоже, - бормочу я розовому кусту и обрываю лепесток с лаванды, - намного лучше. Правда.

Я говорю это очень тихо. Не уверена, хочу ли я, чтобы он слышал мои слова. Поднимая глаза, я вижу, что лицо его потеплело, и он теперь больше похож на львенка, чем на взрослого льва.

- Ага, - отзывается он, и его темные глаза печально сверкают. Тоби поднимает руку, и на секунду мне кажется, что он собирается погладить меня по щеке. Вместо этого он запускает пальцы в солнечную гриву своих волос.

Мы медленно проходим последние несколько шагов до дороги. Из ниоткуда появляются Люси с Этель, они прыгают на Тоби, и он опускается на колени, чтобы попрощаться с собаками. В одной руке у него скейт, а другой он гладит собак, неслышно что-то им нашептывая.

- Так ты и правда святой Франциск?

У меня слабость к святым (по части чудес, а не умерщвления плоти).

- Так про меня говорили, - по его широкому лицу скользит неуловимая улыбка и останавливается в глазах, - в частности, твоя сестра.

На долю секунды меня охватывает желание рассказать ему, что это была я, а не Бейли.

Он заканчивает прощаться с собаками, поднимается, бросает скейт на землю и придерживает его ногой. Но остается стоять. Проходит несколько веков.

- Мне пора, - говорит он. И стоит на месте.

- Ага, - отзываюсь я. Пробегают еще пара столетий.

Перед тем как прыгнуть на скейт, он обнимает меня на прощание, и мы крепко вцепляемся друг в друга под печальным беззвездным небом. Мне начинает казаться, что это не два сердца разбились, а одно, общее.

И тут я внезапно чувствую у своего бедра что-то твердое. Его. Это. Ах ты ж ни хрена себе! Я быстро отстраняюсь, бросаю «Пока!» и бегу домой.

Не знаю, понял ли он, что я почувствовала.

Ничего не знаю.

(Написано на странице из блокнота, которую ветер гнал по Главной улице.)

Глава 4

Когда на очередной репетиции Джо Фонтейн впервые исполняет соло на трубе, происходит следующее: первой жертвой становлюсь я. Падаю в обморок прямо на Рейчел, которая валится на Закари Квитнера; тот обрушивается на Кэссиди Розенталь, та, пошатнувшись, сбивает с ног Люка Джейкобуса. И вот уже весь оркестр валяется на полу потрясенной грудой. Со здания слетает крыша, стены рушатся; взглянув на улицу, я вижу, что сосновая рощица сорвалась с места и бежит через школьный двор прямо к нам. Древесные гиганты хлопают в ладоши. И, наконец, река Рейни выходит из берегов и, петляя вправо-влево, добирается до репетиционного зала школы Кlover-Хай и смывает нас своими потоками. Да, Джо настолько невероятен.

В конце концов мы, смертные музыканты, приходим в себя и доигрываем пьесу. Но инструменты мы убираем в такой благоговейной тишине, словно находимся в церкви.

Мистер Джеймс, что все это время смотрел на Джо взглядом страуса, берет себя в руки и произносит: «Ну что ж. Думаю, все согласятся, что это было чудовищно». Мы смеемся в ответ. Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела игра Джо на Сару. Все, что я могу разглядеть, – это ее глаз, выглядывающий из-под огромной растаманской шапки. Она беззвучно выговаривает: «Остохрнительно». Я смотрю на Джо. Он протирает свою трубу, зардевшись то ли от похвал, то ли от усилия. Он поднимает глаза, ловит мой взгляд, выжидающе приподнимает брови, словно вся эта буря, что он выпустил из своего инструмента, предназначалась для меня. Но с чего бы? И почему я то и дело чувствую на себе его взгляд, когда играю? Он не заинтересован во мне. Ну, я имею в виду, не так заинтересован, это я точно могу сказать. Он смотрит на меня как ученый, как Маргарет смотрела на меня во время урока, пытаюсь понять, что же я делаю не так.

– Даже и не думай, – предостерегает меня Рейчел, когда я поворачиваюсь обратно, – трубач занят. Да он тебе и не подходит, Ленни. Когда у тебя там в последний раз был парень? Ах да, никогда.

Я думаю, как хочу поджечь ей волосы.

Я думаю о средневековых пытках. О дыбе, например.

Я думаю, что расскажу ей о том, что на самом деле произошло на прослушивании в прошлом году.

Но вместо этого я решаю ее проигнорировать (что и делала весь год), прочищаю кларнет и жалею, что мои мысли не заняты Джо Фонтейном. Я никак не могу перестать думать о том, что случилось с Тоби. Вспоминая, как он прижимался ко мне, я дрожу всем телом. Совсем неподходящая реакция на то, что у парня твоей сестры случился стояк. Что еще хуже, мысленно я не отталкиваю его, а так и стою в его объятиях под неподвижными небесами. До чего же мне стыдно.

Я захопываю футляр и жалею, что не могу сделать того же с собственными мыслями. Оглядываю комнату: прочие трубачи столпились вокруг Джо, словно хотят заразиться его магией. С того дня, как я вернулась в школу, мы с ним не обменялись ни словом. Впрочем, не только с ним. Со всеми. Даже с Сарой.

Мистер Джеймс хлопает в ладоши, требуя внимания. Взволнованным трескучим голосом он принимается говорить о летней практике: до каникул остается меньше недели.

– Для тех, кто никуда не уезжает на лето, репетиции продолжатся с июля. Кто придет, тот и решит, что будем играть. Сам я подумываю о джазе! – Тут он щелкает пальцами, точно танцор фламенко. – Может, что-нибудь горяченькое, испанское. Но я открыт для ваших предложений.

Он поднимает руки, как проповедник перед паствой:

– Найдите свой ритм и следуйте ему, друзья мои, – так он заканчивает каждую репетицию. Но через секунду он снова хлопает в ладоши: – Чуть не забыл! Поднимите руки те, кто будет участвовать в государственном конкурсе в следующем году.

О нет! Я роняю карандаш и нагибаюсь за ним, чтобы случайно не столкнуться взглядом с мистером Джеймсом. Тщательно обыскав пол, я поднимаюсь и чувствую, как в кармане вибрирует телефон. Я поворачиваюсь к Саре: тот глаз, что видно из-под шапки, чуть не вываливается из орбиты. Я тайком достаю телефон и читаю:

Почему не подняла руку?

Это соло напомнило мне о тебе.

Придешь сегодня?

Я поворачиваюсь и беззвучно шепчу: «Не могу».

Она поднимает барабанную палочку и театральным жестом «закалывает» себя ударом в живот. Я знаю, что за этим хакари стоит настоящая боль, которой становится все больше. Но что делать с этим, я не знаю. Впервые в жизни я нахожусь в месте, где она не может меня найти. И даже карты у меня нет, чтобы помочь ей.

Я быстро собираю вещи, чтобы сбежать от Сары. Это несложно: ее как раз зажал в угол Люк Джейкобус. Мне вспоминается день, о котором она упомянула. Самое начало первого года в старшей школе. Мистер Джеймс, до глубины души раздосадованный оркестрантами, вскочил на стул и воскликнул: «Да что с вами не так? Вы думаете, вы музыканты? Держите свои задницы по ветру!»

А потом он добавил: «Все за мной. И возьмите свои инструменты – те, кто может их унести».

Мы строем вышли из зала и направились по тропинке в лес, где шумела и ревела река. Пока мистер Джеймс взбирался на камень, чтобы поговорить с нами, мы молча ждали на берегу.

– Так вот. Слушайте, учитесь, а потом играйте, просто играйте. Шумите. Делайте хоть что-нибудь! Творите му-у-у-уу-узыку!

И он начал дирижировать рекой, ветром, птицами в небесах, как полный псих. Когда мы наконец перестали истерически смеяться и затихли, то один за другим взялись за инструменты (я имею в виду тех, у кого инструменты были с собой). До сих пор не могу поверить, что была в числе тех, кто заиграл первым. И вот уже река, ветер, птицы, кларнеты, гобои, флейты – все смешалось в восхитительную какофонию звуков; мистер Джеймс обращался то к нам, то к лесу. Он вращался из стороны в сторону, размахивал руками и приговаривал: «Так-то! Так-то!»

Да, это было нечто!

Когда мы вернулись в школу, мистер Джеймс подошел ко мне и протянул телефон Маргарет Сен-Дени.

– Позвони ей, – приказал он мне, – прямо сейчас.

Я думаю о том, как виртуозно играл сегодня Джо. Воспоминание столь реально, что у меня пальцы чешутся. Я сжимаю кулаки. Не знаю, зачем мистер Джеймс отправил нас тогда в лес. Может, мы должны были раскрепоститься? Ощутить страсть или дух новизны? Просто стать смелее? Ничего из этого Джо не требовалось. У него все уже было.

Он держал задницу по ветру. А я свою – на стуле для второго кларнета.

Глава 5

(Написано на одноразовом стаканчике, найденном на берегу реки Рейни.)

Я знаю, что это он. Мне хотелось бы, чтобы это был кто-нибудь другой. Мне хотелось бы вспомнить о ком-нибудь другом, когда я слышу удар камешка в мое окно. Я сижу в шкафу Бейли и пишу стихи на стене, пытаюсь усмирить панику, что мечется в моем теле заблудившейся кометой.

Я снимаю рубашку Бейли, которую надела поверх своей одежды, хватаюсь за дверную ручку и перетаскиваю себя обратно в Убежище. Подхожу к окну. Мои босые ноги ступают по стоптанным синим коврикам, этим трем островкам неба, которые мы с Бейли истоптали во время наших жестоких танцевальных соревнований: побеждал тот, кто дольше мог удержаться от хохота. Я всегда проигрывала. Бейли умела делать лицо хорька, что в сочетании с ее виртуозными обезьяньими плясками не оставляло мне ни малейшего шанса. Когда она применяла оба метода разом, песенка моя была спета (у меня самой такое в жизни не получилось бы, для этого нужно быть начисто лишеной застенчивости). Каждый раз я сгибалась от хохота пополам и билась в истерику.

Я перегибаюсь через подоконник. Так я и думала: Тоби стоит под окном в ярком лунном свете. Я безуспешно пытаюсь подавить бурю, что поднимается у меня внутри. Глубоко вдыхаю, спускаюсь по лестнице и открываю дверь:

– Ну что, как дела? Все уже спят.

Голос мой звучит надтреснуто, будто изо рта у меня вылетела стая летучих мышей: я весь вечер не разговаривала. Фонарь на крыльце позволяет мне как следует разглядеть Тоби. Да, он вне себя от горя. Я смотрю на него, словно в зеркало.

– Я просто подумал, может, посидим вместе? – спрашивает он. Но мне слышится другое: «Стояк, стояк, эрекция, палка, стояк, стояк, стояк...» – Мне нужно кое-что рассказать тебе, Ленни. Больше никому.

Отчаяние в его голосе заставляет меня вздрогнуть. Над головой Тоби вспыхивают ослепительно-красные предупреждающие огни, но я не могу заставить себя сказать нет. Не хочу.

– Заходите, сэр!

Он на ходу касается моего плеча рукой – так по-дружески, по-братски, что я перестаю волноваться. Может, у парней вообще круглосуточно случаются стояки безо всякой на то причины. Откуда мне знать. Я и целовалась-то всего трижды. Совершенно не разбираюсь в живых мужчинах. Вот книжные – другое дело, особенно Хитклифф. Вот у него совсем не бывает эрекций. Хотя нет, если задуматься, то наоборот: у него, наверное, и не опускался, пока Кэти гуляла по пустошам. Хитклифф был настоящим королем стояков.

Я закрываю дверь за Тоби и жестом прошу его быть потише, пока мы шагаем вверх, в Убежище. Там уже давно установили звукоизоляцию, чтобы весь остальной дом не страдал годами от бляющих и лающих звуков кларнета. Бабулю инфаркт схватит, если она узнает, что Тоби пришел ко мне почти в два часа ночи, когда мне на следующий день надо в школу. Да если бы и не надо было, все равно. В два ночи, Ленни. Она явно не это имела в виду, когда сказала, что надо протянуть ему руку помощи.

Закрыв дверь Убежища, я включаю какую-то инди-группу, от которой хочется повеситься. В последнее время я только такое и слушаю. Мы с Тоби садимся на пол, прислонившись к стене и вытянув ноги. И сидим, как два каменных истукана. Проходит несколько столетий.

Когда сил молчать у меня уже не остается, я шучу:

– Возможно, с образом немногословного мачо ты перестарался.

– Ой, прости! – Он виновато трясет головой. – Я даже не заметил, что опять.

- Опять?

- Что опять молчу.

- Правда? А что, по-твоему, ты делал?

Он склоняет голову набок и улыбается, прищурясь. Какая у него милая улыбка.

- Изображал дуб в вашем саду.

Я смеюсь:

- Ты отлично изображаешь дубы!

- Спасибо. Наверное, Бейлз каждый раз бесилась, когда я молчал.

- Не-а! Мне она говорила, что ей это в тебе нравилось. Меньше шансов поспорить, и больше возможности блеснуть для нее самой.

- Точно, - он молчит минуту, а потом прерывающимся от волнения голосом добавляет: - Мы были такими разными.

- Угу, - негромко отвечаю я. У них не было совершенно ничего общего. Тоби - спокойный и неподвижный (пока не сядил на лошадь и не становился на скейт) - и Бейли, которая ходила, говорила, думала, смеялась, веселилась со скоростью света. И сама была ярким светом.

- Ты напоминаешь мне ее, - говорит он.

Я еле останавливаюсь, чтобы не выпалить: «Да ладно! А вел ты себя так, будто я печеная картофелина», но вместо этого отвечаю:

- Вот вообще нет. Мне мощности не хватит.

- Тебе как раз хватит. А вот у меня с этим напряженка, - отвечает он. Как странно, теперь он звучит как говорящая картофелина.

– Бейли так не думала, – говорю я.

Его взгляд тут же теплеет, и это невыносимо. Что нам делать со всей этой любовью?

Он недоверчиво мотает головой:

– Мне просто повезло. Эта книга про шоколад...

Меня наотмашь бьет воспоминанием: Бейли спрыгивает с камня в день их встречи. Тоби вернулся верхом на скейте. «Я так и знала, что ты придешь! – воскликнула она, подкинув книгу в воздух. – Прямо как в этом романе. Так и знала!»

Похоже, что Тоби проигрывает в голове тот же день. Наша вежливая веселость мигом заржавела. Все глаголы в прошедшем времени навалились на нас и грозят раздавить.

На лице Тоби понемногу проступает отчаяние. Наверно, как и на моем.

Я оглядываю нашу огненно-рыжую спальню, смотрю на этот оранжевый цвет, которым мы замазали дремотно-голубой, украшавший наши стены многие годы. Бейли сказала тогда: «Если это не изменит наши жизни, то я не знаю, что сможет. Это, Ленни, цвет необычности». Помню, что подумала тогда, что не хочу, чтобы наши жизни менялись, и не понимаю, почему Бейлз хочет. Помню, что подумала тогда: мне всегда нравился голубой.

Я вздыхаю:

– Я очень рада, что ты пришел. Я несколько часов просидела в шкафу Бейли. Совсем с ума сошла.

– Хорошо. В смысле хорошо, что ты рада. Я не знал, стоит ли тебя беспокоить, но мне тоже не спалось... Выделывал трюки на скейте как последний псих. Чуть не разбился насмерть. А потом оказался тут. Просидел под сливой целый час, пытаюсь решить...

Его бархатный тембр заставляет меня вспомнить, что в комнате звучит и другой голос: из колонок орет солист группы, хрипит так, словно его душат. Я встаю, чтобы поставить что-нибудь помелодичнее. Вернувшись на свое место, я признаюсь:

– В школе никто не понимает, что со мной. Даже Сара.

Он откидывает голову назад:

– Не знаю, можно ли вообще понять, пока не окажешься на нашем месте. Я и понятия не имел...

– И я.

Мне внезапно захотелось обнять Тоби. Мне так хорошо потому, что сегодня ночью я не осталась один на один со всем этим.

Он, нахмурившись, опускает взгляд на свои ладони, будто собираясь с духом. Я жду.

И жду. И жду.

Все еще жду. Как Бейли выносила эту тишину в эфире?

Когда он поднимает глаза, лицо его полно сострадания. Настоящий котенок! Слова льются из него, наплывая друг на друга:

– Я никогда не встречал сестер, которые были бы так близки. Мне так жаль тебя, Ленни, я так тебе сочувствую. Думаю и думаю, как ты теперь без нее.

– Спасибо, – шепчу я, и внезапно мне хочется дотронуться до него, пробежать пальцами по его руке. Она всего в нескольких сантиметрах от меня...

Я бросаю на него взгляд. Он сидит так близко, что я чувствую запах его шампуня. Меня охватывает чудовищная мысль: а ведь он очень симпатичный. Ужасно симпатичный. И как это я раньше не замечала?

Я уже знаю ответ на свой вопрос: Ленни, он бойфренд твоей сестры, ты что, больная?

«Дорогой мозг, – вывожу я пальцем на своих джинсах, – веди себя прилично».

«Прости, – беззвучно шепчу я Бейли, – я не собиралась думать о Тоби в этом смысле. Будь спокойна, такого больше не случится».

«Просто никто не понимает меня, кроме него», – добавляю я. Ох, боже мой!

Еще несколько минут проходит в тишине. Тоби достает из кармана куртки бутылку текилы и отвинчивает крышку.

– Будешь?

Отлично. То, что нужно.

– Конечно буду! – Я почти не пью, но вдруг сейчас поможет. Выбьет из меня всю эту дурь. Я протягиваю руку, и наши пальцы соприкасаются на мгновение дольше, чем нужно. Я хочу думать, что мне показалось. Подношу бутылку ко рту, делаю огромный глоток и изысканно выплевываю текилу, облив при этом и себя, и Тоби.

– Фу, ну и гадость, – вытираю я рот рукавом, – вот это да.

Он смеется и вытягивает руки, чтобы я посмотрела, во что превратилась его одежда.

– Да, к текиле привыкаешь не сразу.

– Прости! Понятия не имела, что это такое пойло.

Он салютует мне бутылкой и отхлебывает. Я решительно настроена попробовать еще раз, на сей раз не обдавая окружающих фонтаном. Тянусь за текилой, подношу ее к губам. Жидкость обжигающей лавой течет по горлу. Я делаю еще один глоток, побольше.

– Эй, притормози! – Тоби отнимает у меня бутылку. – Мне нужно кое-что сказать тебе, Ленни.

– Окей, – отвечаю я. Какое приятное тепло разлилось внутри.

– Я сделал Бейли предложение...

Он произносит это так быстро, что моя мысль не успевает за его словами. Он смотрит на меня, пытаюсь понять, как я отреагирую. Я могу описать свои ощущения только так: какого вообще хрена!

– Предложение? Ты шутишь?!

Уверена, что он хотел бы услышать совсем не это, но меня эта новость застигла врасплох. Он еще сказал бы, что Бейли втайне мечтала стать пожирателем огня. Им было всего по девятнадцать, и моя сестра являлась яростной противницей брачных уз.

– И что же она ответила?

Я боюсь услышать ответ.

– Она согласилась, – в голосе Тоби столько же надежды, сколько и безнадежности. Обещание все еще живет в его сердце. Она согласилась. Я беру бутылку, глотаю и не чувствую ничего: ни вкуса, ни обжигающей горечи. Я онемела. Бейли хотела этого? Как больно, что ей хотелось замуж. Как больно, что она не сказала мне об этом. Мне нужно знать, что она думала. Поверить не могу, что теперь не получится у нее спросить. Никогда не получится. Я смотрю на Тоби и вижу в его глазах искренность. Она притаилась за зрачками, словно маленький нежный зверек.

– Мне так жаль, Тоби! – Я пытаюсь засунуть подальше свою обиду и недоверие, но у меня не получается. – Не понимаю, почему она не рассказала мне.

– Мы собирались сказать вам буквально на следующей неделе. Я тогда только решился...

Это «мы» мне совсем не нравится. Раньше «мы» значило «Бейли и я», а не «Бейли и Тоби». Внезапно я чувствую, что меня исключили из будущего, которого и так не случится.

- Но как же ее театральная карьера? - говорю я вместо «А как же я?»

- Она и так играла...

- Да, но... - Я смотрю ему в глаза. - Ты же понимаешь, о чем я.

И по выражению его лица вижу, что нет, не понимает. Совсем не понимает. Конечно, многие девочки мечтают о свадьбе, но Бейли мечтала о Джульярде. О Джульярдской школе в Нью-Йорке. Помню, как прочла у них на сайте: Наша цель - предоставить высококачественное художественное образование одаренным музыкантам, танцорам и актерам со всего света, чтобы они могли полностью раскрыть свой потенциал как творцы, лидеры и граждане мира. Правда, получив прошлой осенью отказ, она решила пойти в местный университет (больше она и документы никуда не подавала), но я была уверена, что она попробует еще раз. Разве могла она поступить иначе? Это же была ее мечта.

Больше мы эту тему не затрагиваем. Поднялся ветер и стучится теперь в дом. Мне становится холодно, я хватаю с кресла плед и набрасываю себе на ноги. От текилы меня охватывает чувство, что я растворяюсь в пустоте. Мне и правда хочется исчезнуть. Хочется исписать эти оранжевые стены. Мне нужен язык вырванных последних страниц, сломанных часовых стрелок, холодных камней, туфель, наполненных ветром. Я опускаю голову Тоби на плечо.

- Мы - самые грустные люди на земле.

- Ага, - отвечает он и сжимает мне колено.

Я пытаюсь не обращать внимания на дрожь, которая пробегает у меня по телу от этого жеста. Они собирались пожениться.

- Как нам это пережить? - почти беззвучно шепчу я. - День за днем, день за днем. Без нее.

– Ох, Ленни, – он поворачивается и приглаживает мои волосы у висков.

Я все жду, когда он уберет руку и отвернется. Но этого не происходит. Он держит ладонь у моего лица и не отводит от меня взгляда. Время замедляется. Что-то пробегает по комнате. Между нами. Я смотрю в его скорбные глаза, он смотрит в мои, и я думаю: «Он скучает по ней так же, как я». И вот тогда он меня целует. Его рот такой мягкий, такой горячий, такой живой. Я не могу сдержать стон. Мне хотелось бы сказать, что я оттолкнула его, но этого не происходит. Я отвечаю на поцелуй, и мне не хочется останавливаться: мне в этот момент кажется почему-то, что мы с Тоби как-то победили время и вернули Бейли обратно.

Он отталкивает меня и вскакивает на ноги.

– Я не понимаю! – Его, точно пожар, охватывает внезапная паника. Он мечется по комнате. – Боже, мне надо идти! Мне правда пора!

Но он не уходит. Садится на кровать Бейли, смотрит на меня и вздыхает, будто отдаваясь во власть какой-то незримой силы. Он произносит мое имя, и голос его звучит так хрипло, так завораживает, что я поднимаюсь на ноги, меня тянет через мили и мили стыда и вины. Мне не хочется к нему – и при этом хочется. Я понятия не имею, что мне делать, но все же иду через комнату, слегка шатаюсь от текилы. Он берет меня за руку и слегка тянет к себе.

– Мне просто хочется быть рядом с тобой, – шепчет он. – Только так я не умираю от тоски по ней.

– И я! – Я пробегаю пальцем по россыпи веснушек на его щеке. Глаза у него наполняются слезами, и у меня тоже. Я сажусь рядом с ним, а потом мы ложимся на кровать Бейли, и он обнимает меня сзади. Перед тем как заснуть в кольце его сильных надежных рук, я думаю о том, останется ли на кровати едва уловимый запах Бейли, не перебьют ли его наши собственные.

(Написано на оборотной стороне контрольной по французскому языку, найдено на территории Кловерской старшей школы, в клумбе.)

Глава 6

(Написано на листке из записной книжки, застрявшем между прутьями забора у вершины горы.)

Иуда. Брут. Бенедикт Арнольд. И я.

Хуже всего то, что теперь, закрывая глаза, я каждый раз вижу львиное лицо Тоби, чувствую его дыхание на своем лице и дрожу с головы до ног. Дрожу не от стыда (это было бы как раз нормально), а от желания. Но стоит мне дать волю воображению и представить, как мы целуемся, и мне представляется Бейли. Она смотрит на нас с небес, передергиваясь от отвращения. Ее бойфренд, ее жених целуется с вероломной младшей сестрой на ее собственной кровати. Ох! Стыд, как верный пес, следует за мной по пятам.

Я отправила себя в изгнание: ушла и сижу между ветвей своего любимого дерева в лесу за школьным двором. Я прихожу сюда в каждый обеденный перерыв, прячусь, пока не прозвенит звонок, царапаю ручкой слова на коре. Пусть мое сердце разбивается в одиночестве. В школе я не могу себе этого позволить: все видят меня насквозь.

Я достаю пакет с ланчем, который собрала мне бабуля, и тут раздается треск. Ой-ой! Смотрю вниз: это Джо Фонтейн. Я замираю на своей ветке. Не хочу, чтобы он видел меня. Ленни Уокер – психопатка, поедаящая ланч на дереве (и уж точно спрыгнувшая со своего дерева, чтобы спрятаться на другом!). Джо нарезает подо мной круги, точно кого-то ищет. Я затаила дыхание. Он никуда не уходит, остановился немного справа от меня. И тут, конечно, мой пакет захрустел, и Джо поднимает голову.

– Привет! – здороваюсь я, будто нет ничего странного в том, чтобы обедать на дереве.

– Так вот ты где! – Он смотрит, подняв руку к глазам. – А я-то думал, куда это ты уходишь. Может, к пряничному домику? Или в опиумный притон.

– Ты спалился, – говорю я, удивляясь своей дерзости.

– Виноват, признаюсь. Я следил за тобой! – Джо улыбается своей фирменной улыбкой. Неудивительно, что мне раньше казалось...

– Судя по всему, ты хочешь побыть одна, – продолжает он, – вряд ли ты забираешься на дерево в поисках собеседников. – Он смотрит на меня с надеждой во взоре. И, несмотря на мое плачевное душевное состояние, на неразбериху с Тоби, на то, что на Джо уже положила глаз Круэлла де Виль, я совершенно им очарована.

– Хочешь присоединиться? – Я освобождаю для него место на ветке, и через три секунды он уже рядом, хлопает своими ресницами. А я и забыла, каким ресничным богатством одарила его природа. Умереть и не встать.

– Что на обед? – Он тычет пальцем в мой пакет.

– Это что, шутка? Сначала ты нарушаешь мое уединение, а теперь собираешься похитить мою еду? Да где тебя воспитывали?

– В Париже, – отвечает он, – поэтому я мародер raffine[1 - Изысканный (фр.)].

Как хорошо, что j'étudie le fran?ais[2 - Я учу французский.]. И, о господи, неудивительно, что вся школа гудит о нем, неудивительно, что я хотела его поцеловать. Я даже на какую-то секунду прощаю Рейчел то, что сегодня у нее из сумки совершенно по-идиотски торчал багет.

Джо продолжает:

– Но я родился в Калифорнии и до девяти лет жил в Сан-Франциско. Мы вернулись около года назад и с тех пор обитаем тут. И мне все еще интересно, что у тебя в пакете.

– В жизни не догадаешься, – отвечаю я. – И я тоже, честно говоря. Моя бабушка считает, что это ужасно весело – класть нам... мне в обеденный пакет всякую всячину. Я никогда не знаю, что там найду: стихи Э. Э. Каммингса, цветочные лепестки, пригоршню пуговиц. Похоже, она подзабыла, для чего вообще нужны школьные обеды.

– А может, она считает, что душе тоже нужно питаться.

– Именно так она и считает! – Я удивлена, что он догадался. – Ну ладно, окажешь мне честь?

Я протягиваю ему пакет.

– Что-то мне не по себе. А вдруг там что-нибудь живое? – Хлоп-хлоп-хлоп. Похоже, к этим ресницам так быстро не привыкнешь, для этого потребуется время.

– Как знать.

Надеюсь, по моему голосу не слышно, что я вот-вот упаду в обморок. Стараюсь не думать про тили-тили тесто.

Он берет пакет, решительно запускает туда руку и вытаскивает... яблоко.

– Яблоко?! Какая проза! – Яблоко летит в меня. – Всем дают на ланч яблоки!

Я настаиваю, чтобы он продолжил поиски. Он вынимает «Грозовой перевал».

– Это моя самая любимая книга, – объясняю я, – использую ее вместо пустышки. Читала двадцать три раза. Бабушка вечно кладет ее в мой ланч.

– «Грозовой перевал»? Двадцать три раза?! Это же самая грустная книга в мире. Как ты еще не свихнулась?

– Вообще-то я обедаю на дереве.

– И то верно, – он снова опускает руку в пакет и достает багряный цветок пиона без стебля. Нас тут же окутывает густой аромат.

– Ого, – Джо вдыхает запах, – у меня такое чувство, словно я научился левитировать.

Он подносит цветок к моему носу, я закрываю глаза и представляю, что и сама взмываю ввысь. Получается плохо. Но тут меня посещает другая мысль:

– Моего самого любимого святого зовут Джо. Джузеппе Купертинский. Он умел подниматься в небо. Когда думал о боге, его охватывало такое блаженство, что он отрывался от земли.

Джо наклоняет голову и бросает на меня скептический взгляд, приподняв брови:

– Что-то мне не верится.

Я киваю:

– Тысячи свидетелей. Чуть ли не ежедневные полеты. Прямо во время мессы.

– А теперь я завидую. Наверное, в душе я тоже мечтаю левитировать.

– Жаль, что не умеешь. Я с удовольствием понаблюдала бы, как ты паришь над Кловером со своим горном.

– Блин, а круто! – восклицает он. – Ты могла бы полететь со мной. За ногу ухватиться или что-нибудь вроде того.

Мы обмениваемся быстрым непонимающим взглядом, оба недоумевая, как умудрились так быстро найти общий язык. Мгновение промелькнуло и исчезло, словно божья коровка, присевшая на ладонь.

Он кладет цветок мне на ногу, и я чувствую, как пальцы его касаются моих джинсов. Коричневый пакет пуст. Джо протягивает его мне, и мы молча сидим, слушая, как шелестит ветер. Солнце пробивается сквозь сосны такими невероятно густыми плотными лучами, словно на детском рисунке гуашью.

Кто этот парень? Почему за несколько минут на дереве я сказала больше, чем за все время с возвращения в школу? И как получилось, что он прочел «Грозовой перевал» и тем не менее влюбился в эту стерву Рейчел? Может, дело в том, что она тоже была во Фра-а-анции? Или в том, что притворяется, будто любит музыку, которую никто никогда не слышал? Например, дико известных мастеров горлового пения из Тувы?

– Я видел тебя на днях, – говорит он, берет яблоко и подкидывает его одной рукой, ловит другой, – у Большого Луга. Я пошел в поле поиграть на гитаре. Ты была на другой стороне. Кажется, писала что-то, прижав листок к чьей-то машине, но потом выпустила его из рук...

– Ты что, следишь за мной? – спрашиваю я, пытаюсь скрыть внезапное ликование.

– Может, да. Самую чуточку. – Он перестает жонглировать яблоком. – И еще, может, мне любопытно.

– Любопытно? Что любопытно?

Он молча отрывает мох с ветки. Я смотрю на его руки: длинные пальцы в мозолях от гитарных струн.

– Что? – спрашиваю я опять, умирая от желания узнать, что же заинтересовало его настолько, что он полез за мной на дерево.

– Просто когда ты играешь на кларнете...

– Что ты имеешь в виду? – Похоже, я знаю, что он имеет в виду.

– Ну, техника у тебя отличная. Пальцы и язык двигаются быстро, ноты берешь любые, ох... Но на этом, кажется, и все. Я просто не понимаю! – Он смеется, не подозревая, что оторвал чеку у гранаты. – Будто ты играешь во сне или что-то вроде того.

Я покрываюсь ярким румянцем. Играю во сне! Я попалась, точно рыба в сети. Жаль, что я не бросила оркестр (а ведь хотела). Я перевожу взгляд на сосны. Они поднимаются к небесам, окруженные собственным одиночеством. Он

смотрит на меня. Я чувствую на себе его взгляд. Он ждет ответа, которого не последует: Джо ступил на территорию, куда нет хода никому.

– Слушай, – осторожно начинает он, поняв наконец, что его чары перестали работать, – я пришел за тобой, чтобы спросить, не захочешь ли ты поиграть вместе.

– С чего бы? – Голос мой звучит громче и огорченнее, чем мне хотелось бы. Меня медленно охватывает знакомое чувство паники.

– Мне хочется услышать Джона Леннона вживую. А кому не хотелось бы!

Мы оба чувствуем, что шутка не удалась.

– Это вряд ли, – отвечаю я и слышу, что звенит звонок.

– Слушай... – начинает опять он, но я не даю ему договорить.

– Я не хочу играть с тобой, ясно?

– Ясно, – он подкидывает яблоко в воздух.

Не успело оно приземлиться и не успел Джо спрыгнуть с ветки, как он добавляет:

– Собственно, и идея-то была не моя.

Глава 7

Я просыпаюсь от гудков Тоски (так Сара назвала свою машину). Вот засада! Я переворачиваюсь на другой бок, смотрю в окно, вижу, как моя подруга выпрыгивает наружу, облаченная в любимое черное винтажное платье и берцы на платформе. Светлые волосы – она снова стала блондинкой – напоминают воронье гнездо, из кроваво-красного рта торчит сигарета, окутывая лицо Сары

призрачным облаком дыма. Я смотрю на часы: 7:05. Она смотрит вверх, видит меня в окне и машет руками, точно это крылья мельницы.

Я натягиваю одеяло на голову и жду неизбежного.

– Я пришла, чтобы высосать из тебя кровь, – говорит она несколько минут спустя.

Я выглядываю из-под покрывала.

– Вампир из тебя и правда сногшибательный.

– Знаю.

Она наклоняется к зеркалу над комодом и пальцем вытирает следы помады с зубов. Ногти у нее покрашены черным лаком.

– Мне идет такой стиль. Хайди заделалась готкой.

Без своей экипировки Сара могла бы играть Златовласку. Загорелая блондинка, которая меняет готику на гранж, панк, хиппи, рок, эмокор, металл, от-кутюр, гик-фэшен, хип-хоп и растаманский стиль, лишь бы скрыть златоволосую сущность. Она проходит по комнате, становится прямо надо мной, отодвигает уголок одеяла и ныряет в кровать прямо в ботинках.

– Я скучаю по тебе, Ленни, – ее громадные синие глаза сияют на меня искренностью, которая не вяжется с нарядом. – Давай позавтракаем вместе до уроков! Последний день одиннадцатого класса, все такое. Это традиция.

– Хорошо, – говорю я и добавляю: – Прости, что так ужасно себя вела.

– Не говори так. Просто я не знаю, как тебе помочь. Я и представить не могу...

Она не заканчивает и оглядывает Убежище. Я вижу, какой ужас ее охватывает.

– Это же невыносимо... – Она смотрит на кровать Бейли. – Все в точности так же, как и тогда... Боже мой, Ленни!

– Ага, – воздух застревает у меня в горле, – я пойду оденусь.

Она закусывает губу, стараясь не расплакаться:

– Я подожду внизу. Пообещала бабуле, что поговорю с ней.

Она вылезает из постели и идет к двери. Но ее летящая походка стала шаркающей. Я натягиваю одеяло на голову. Знаю, что спальня превратилась в мавзолей. Знаю, что это всех расстраивает (кроме Тоби, который, кажется, даже не замечает), но мне хочется, чтобы все оставалось как было. Так мне кажется, что Бейли здесь. Или что она скоро вернется.

По дороге в город Сара рассказывает мне новый план по привлечению красавчика, с которым она сможет обсуждать любимого экзистенциалиста Жана-Поля Сартра. Проблема в том, что ее безумно привлекают тупоголовые серферы. Они, как ни избегай стереотипов, обычно не очень хорошо разбираются во французской литературе и философии и потому не подходят Саре по причине «Он-должен-знать-кто-такой-Сартр-или-хотя-бы-прочешь-что-нибудь-из-Д.Г. Лоуренса-или-на-крайний-случай-одну-из-сестер-Бронте-и-лучше-бы-это-была-Эмили».

– Этим летом состоится дневной симпозиум по французскому феминизму, – сообщает она мне, – я собираюсь пойти. Присоединишься?

Я смеюсь:

– Очень подходящее место для поисков парня.

– Вот увидишь: самые крутые ребята не боятся феминизма, Ленни.

Я смотрю на нее. Она пытается выдуть колечки дыма, но пока получаются только комочки.

Мне до чертиков страшно рассказывать ей про Тоби, но ведь надо, да? Однако же я такая трусиха, что начинаю с менее убийственных новостей.

– Пару дней назад я обедала с Джо Фонтейном.

- Да ладно!

- Ага.

- Не может быть.

- Может.

- Да нет!

- Да да!

- Невозможно!

- Еще как возможно.

Мы можем продолжать так часами.

- Ах ты утка! Летающая желтая утка! И ты молчала?!

Когда Сара взволнованна, то начинает упоминать самых неожиданных зверей и птиц, словно у нее синдром Туретта, но только вместо брани вырываются строчки из «Айболита».

- Ну и что, как он?

- Ничего так, - рассеянно сообщаю я, глядя в окно. Интересно, кто же предложил ему сыграть со мной дуэтом? Может, мистер Джеймс? Но зачем? И до чего же это все унизительно.

- Прием-прием! Земля вызывает Ленни! Ты только что сказала, что Джо Фонтейн ничего так? Святые лошади, да этот парень просто очешуительно прекрасен! И я слышала, у него есть двое старших братьев. Ничего себе троица, а?

- Святые лошади? Бэтгерл, что с тобой!

Сара хихикает, и звук этот совершенно не вяжется с ее готическим образом. Она в последний раз затягивается и кидает окурок в банку газировки. Я добавляю:

– Ему нравится Рейчел. Что это говорит о нем?

– Что у него есть Y-хромосома, – Сара пихает кусок жвачки в рот. – Но, если честно, что-то я не замечала. Говорят, что его интересует только музыка, а Рейчел играет так, будто кошка вопит. Может, она ему наболтала про этих своих горловых певцов, и теперь он считает, что она эксперт в музыке...

У дураков мысли сходятся. Внезапно Сара подпрыгивает на сиденье словно ужаленная:

– Ленни, пожалуйста, отними у нее место первого кларнета! Сегодня! Пожалуйста. Будет офигенно! Думаю, за всю историю оркестра никто раньше не отбирал место в последний день учебы.

Я мотаю головой:

– Исключено.

– Но почему?

Я не знаю почему.

В моей памяти всплывает картина из прошлого лета. Я только что закончила урок у Маргарет и провожу время с Бейли и Тоби в ущелье Флаинг-Мэн. Тоби рассказывал нам, что у чистокровных беговых лошадей есть сопровождающие их пони, которые всегда находятся рядом. И я тогда подумала: «Это же я». Я сопровождающий пони, а такие пони не бегают поодиночке. Они не играют партию первого кларнета, не участвуют в государственных конкурсах, не задумываются всерьез о том, чтобы пойти в определенную академию исполнительских искусств в Нью-Йорке, на что бы там ни намекала Маргарет.

Просто нет, и все.

Сара сворачивает на парковку и вздыхает:

– Ну ладно, придется самой как-то развлекаться.

– Видимо, да.

Мы выпрыгиваем из Тоски, направляемся в кафе Сесилии и заказываем неприлично много выпечки. Сесилия не берет с нас денег и смотрит на меня тем долгим горестным взглядом, который теперь сопровождает меня повсюду. Думаю, она мне все до последней булочки отдала бы, стоило мне только попросить.

Мы садимся на нашу любимую скамейку у итальянского ресторанчика Марии, где я работаю главным поваром по лазанье каждое лето с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. И завтра вернусь к работе. Солнце взорвалось на миллион осколков, и все они рассыпались по Главной улице. Какой восхитительный день! Сияет все, кроме моего преступного сердца.

– Сара, я должна тебе кое-что рассказать.

Она выглядит встревоженной:

– Да, конечно.

– Вчера ночью мы с Тоби...

Ее тревога перерастает во что-то другое, что-то такое, что я боюсь увидеть. У Сары есть твердые правила насчет мальчиков. Главное из них: сестры прежде всего.

– Вы ночью что? В смысле ничего особенного или?..

Ее брови взлетели так высоко, что скоро прилетят на Марс.

Меня затошнило.

– Или. Мы поцеловались.

Сара выпучивает глаза, и лицо ее передергивается от недоверия, а может, и от ужаса. Вот так и выглядит мой стыд, думаю я. Как ты могла поцеловать Тоби, спрашиваю я себя в тысячный раз.

– Ого, – говорит она, и слово это камнем падает на землю. Она и не пытается скрыть своего презрения. Я закрываю лицо руками, как при аварии. Не надо было ей говорить.

– Тогда это казалось таким естественным. Мы оба так скучаем по Бейли, и он меня понимает, он один понимает... и я тогда напилась, – сообщаю я своим джинсам.

– Напилась? – Сара явно удивлена. Когда она затаскивает меня на вечеринки, я и пива-то не всегда соглашаюсь выпить. Я слышу, как ее голос смягчается. – Он один тебя понимает?

Ой-ой!

– Я не это имела в виду, – я поднимаю голову и смотрю ей в глаза. Но я вру. Я именно это и имела в виду. Судя по ее лицу, она это тоже понимает. – Сара!

Она сглатывает, отворачивается, а затем быстро переводит разговор обратно к моему позору:

– Да, такое вроде случается. Секс от горя. Я читала об этом в одной книге.

По ее голосу я слышу, что она все еще осуждает меня. А теперь и еще что-то.

– Мы не занимались сексом. Я по-прежнему последняя девственница на планете.

Она вздыхает, а потом обнимает меня одной рукой. Неловко, будто против своей воли. Я чувствую себя в западне. Мы обе не знаем, что делать со всеми невысказанными словами. И с высказанными тоже.

– Ничего страшного, Ленни. Бейли бы поняла, – звучит как-то неубедительно. – И это ведь больше не повторится, да?

– Конечно же нет, – отвечаю я и надеюсь, что говорю правду.

И надеюсь, что вру.

(Написано на сложенном листке бумаги, зарытом в груди сосновых игл по пути к речке Рейни.)

Глава 8

Я сижу за столом Бейли. Передо мной стоит святой Антоний – покровитель потерянных вещей.

Вообще-то место его не здесь, а на каминной полке перед полумамой. Но Бейли, похоже, его переставила, не знаю уж почему. Я нашла его за компьютером, рядом с ее старым рисунком, прибитым к стене. Она нарисовала его, когда бабуля рассказала нам, что мама – исследовательница наподобие Колумба.

Я зашторила окно. Как бы ни хотелось, не стану смотреть, стоит ли Тоби под сливой. И не позволю себе представлять, как его губы жадно и потерянно прижимаются к моим. Нет. Я рисую в воображении иглу. Отличные ледяные иглу. Я пообещала Бейли, что события прошлой ночи больше не повторятся.

Начался первый день каникул, и все школьники отправились к реке. Только что позвонила Сара и заплетающимся языком сообщила, что в ущелье Флаинг-Мэн вот-вот ожидается прибытие не одного, не двоих, а целых троих очешуительных братьев Фонтейн. Они будут играть прямо на природе! А еще она только что узнала, что двое старших играют в крутейшей группе в Лос-Анжелесе. Они ходят в тамошний колледж. Так что мне лучше бы собраться и притащить свою задницу, чтобы узреть их во всей славе. Я сказала ей, что останусь дома, и попросила насладиться зрелищем за меня. Это напомнило Саре о вчерашнем разговоре:

– Ты там не с Тоби, а, Ленни?

Черт!

Я бросаю взгляд на кларнет: он лежит на стуле. Давно я не доставала его из футляра. Футляр похож на гроб, думаю я и тут же пытаюсь забыть эту мысль. Подхожу к инструменту, приподнимаю крышку. У меня никогда не было сомнений, на каком инструменте играть. Когда в пятом классе все девочки побежали к флейтам, я, не теряя время, направилась напрямиком к кларнету. Он напоминал мне саму себя.

Я опускаю руку в карман, где храню салфетку и трости. Пальцы натываются на сложенный листок бумаги. Не знаю, почему храню его (уже больше года!), почему вытащила его из мусорки, когда Бейли бросила его туда царским жестом («Ну что ж, похоже, ребят, вам от меня не отделаться»). Потом она кинулась в объятия Тоби, словно то письмо ничего не значило. Но я-то знала, что это не так. Как же иначе – это же Джульярд.

Не перечитав его напоследок, я комкаю отказ, швыряю в мусорное ведро и возвращаюсь за стол Бейли.

Я сижу на том же самом месте, где и тем вечером, когда телефон взвыл на весь дом, на весь ничего не подозревающий мир. Я тогда делала домашку по ненавистной химии (я и до сих пор ее терпеть не могу). С кухни в комнату просачивался густой аромат душицы от бабулиного куриного фрикасе, и единственное, чего мне хотелось, так это чтобы Бейли поскорее пришла домой и мы могли сесть поужинать. Я ужасно хотела есть и ужасно мучилась из-за изотопов. Как такое может быть? Как могла я думать о фрикасе и углероде, когда в другой части города моя сестра испускала последний вздох? Что это за мир такой? И что с этим сделаешь? Что вообще делают, когда происходит самое ужасное, что может случиться? Когда раздается тот самый телефонный звонок? Когда так скучаешь по переливистому голосу сестры, что готова ногтями разобрать дом по кирпичикам?

И вот что я делаю: достаю телефон и набираю ее номер. На днях, не вполне отдавая себе отчет, я позвонила ей, чтобы узнать, дома ли она. Оказалось, что номер ее еще не отключили.

Привет, это Бейли. В этом месяце я играю Джульетту, так что, чувак, что скажешь? Неужели у тебя нет слова утешения?

Дослушав до звукового сигнала, я вешаю трубку, а потом звоню снова, и снова, и снова, и снова, словно пытаюсь вытащить ее из телефона. А потом я не сбрасываю звонок.

– Почему ты не сказала мне, что выходишь замуж? – шепчу я, захлопываю крышку и кладу телефон ей на стол. Я просто не понимаю. Разве мы не делились с ней всем-всем? «Если это не сможет изменить наши жизни, то я не знаю, что сможет», – сказала она, когда мы красили стены. И это что же, таких перемен она хотела? Я поднимаю дурацкого пластикового Антония. А с ним что такое? Что он тут делает? Я приглядываюсь к рисунку. Он висит тут так давно, что бумага уже пожелтела и края загнулись; так давно, что я уже сто лет назад перестала обращать на него внимание. Бейли нарисовала его, когда ей было лет одиннадцать. Когда она с беспощадной яростью забрасывала бабулю вопросами про маму.

Много недель расспрашивала.

– Откуда ты знаешь, что она вернется? – спрашивала Бейли в миллионный раз. Мы были в бабулиной мастерской. Мы с сестрой растянулись на полу и малевали что-то пастелью, а бабуля стояла к нам спиной и рисовала на холсте одну из своих дам. Она весь день избегала вопросов Бейли, хитроумно переводя разговор на другие темы, но на этот раз ее метод не сработал. Я увидела, как рука бабули резко опустилась, и с кисточки на забрызганный пол стала капать зеленая краска цвета надежды. Бабушка вздохнула (долгий унылый вздох) и повернулась к нам лицом.

– Думаю, девочки, вы уже достаточно подросли, – проговорила она.

Мы тут же отставили краски, сели на полу и обратились в слух.

– Ваша мама... хммм... – продолжила бабушка, – она... как бы это сказать...

Бейли в ужасе уставилась на меня. Никогда раньше бабуле не приходилось подбирать слова.

– Какая она? – спросила Бейли. – Какая, бабушка?

– Хммм... – Она закусила губу, а затем нерешительно проговорила: – Думаю, лучше всего будет сказать так. Знаете, у некоторых людей есть природные склонности. Я люблю рисовать и садовничать, у Бига талант арбориста, а ты, Бейли, хочешь стать актрисой, когда вырастешь...

– Я пойду в Джульярд, – сообщила она нам.

Бабушка улыбнулась:

– Да, мисс Голливуд, мы об этом осведомлены. Или все-таки мисс Бродвей?

– А мама? – напомнила я им, пока они не заболтались об этой тупой школе. Все, на что я надеялась, так это, что, когда Бейли пойдет туда учиться, я буду жить неподалеку. По меньшей мере смогу ездить к ней каждый день на велосипеде. Но спросить об этом я боялась.

Бабуля сжала губы.

– Ну так вот, а ваша мама, у нее это немножко иначе... она... она вроде как исследователь.

– То есть как Колумб? – спросила Бейли.

– Ага, вроде него. Только без «Ниньи», «Пины» и «Санта-Мари». Просто женщина с картой – и целый мир. Она выступает соло.

И бабуля вышла из комнаты. Это был ее любимый (и самый эффективный) способ закончить беседу.

Мы с Бейли уставились друг на друга. В наших непрерывных размышлениях о том, где наша мама и почему она ушла, нам и в голову не приходило, что ответ может быть таким восхитительным. Я пошла за бабулей, надеясь разузнать побольше, но Бейли осталась сидеть на полу. И нарисовала эту картинку.

На ней изображена женщина. Она стоит на вершине горы спиной к зрителю и смотрит вдаль. Я, бабуля и дядя Биг (все имена подписаны) машем одинокой фигурке с подножия. По низу рисунка бежит надпись зеленым: «Исследователь». Себя Бейли почему-то не нарисовала.

Я крепко прижимаю святого Антония к груди. Он нужен мне сейчас. Но зачем он нужен Бейли? Что она потеряла?

Что она хотела найти?

(Написано на форзаце «Грозового перевала» в школьной библиотеке Кловера.)

Глава 9

(Написано на стене уборной в пекарне Сесилии.)

Вот уже две недели, как закончились занятия в школе. Бабуля, дядя Биг и я – все определенно спрыгнули со своих деревьев и мчимся через парк. Все в разных направлениях.

Экспонат А: бабуля преследует меня по всему дому с чайником в руках. Чайник полон. Я вижу, как из носика вырывается пар. В другой руке у нее две чашки. Раньше мы с бабулей пили чай вдвоем и разговаривали, пока остальные не вернутся домой. Но мне больше не хочется пить с ней чай, потому что я не настроена разговаривать. Она это знает, но не сдается. Она проследовала за мной наверх по лестнице и теперь стоит у двери в Убежище с чайником в руках.

Я падаю на кровать и беру книгу, притворяясь, что занята чтением.

– Я не хочу чай, бабуль, – говорю я, поднимая глаза от «Грозового перевала». Черт, я держу книжку вверх ногами. Надеюсь, бабушка не заметила.

Она сразу грустнеет. Очень-очень грустнеет.

– Ладно, – она ставит кружку на пол, наливает в другую чай и делает глоток. Не знаю, обожгла ли она язык, но по виду и не скажешь. – Ладно, ладно, ладно, – говорит она нараспев и снова прихлебывает чай.

Она не отстает от меня с тех пор, как закончились уроки в школе. Обычно она очень занята летом: исполняет обязанности Садового Гуру. Но в этом году она сказала всем клиентам, что уходит в отпуск до осени. И, вместо того чтобы гурить, она случайно заглядывает к Марии, когда я работаю, оказывается в библиотеке в мой перерыв и следует за мной в ущелье, где бродит по тропе, пока я плаваю на спине и слезы скользят по моим щекам в воду.

Но хуже всего, когда приходит время пить чай.

– Горошинка, ты же заболеешь, – голос у нее журчит беспокойной рекой. Я думаю, что она говорит о том, как я отстранилась ото всех. Но потом я поднимаю взгляд и понимаю: дело тут в другом. Бабушка пристально смотрит на туалетный столик Бейли. Он весь усыпан обертками от жвачек; зубцы расчески все покрыты паутиной черных волос. Я смотрю, как взгляд ее блуждает от столика к платьям, накинутым на спинку стула, к полотенцу, что висит на стойке кровати, к корзине с грязным бельем, которая до сих пор полна...

– Давай просто уберем отсюда пару вещей, – говорит бабуля.

– Я же сказала, что сама уберу в комнате, – шепчу я, борясь с желанием завопить во все горло. – Я все сделаю, если ты перестанешь ходить за мной и просто оставишь в покое.

– Хорошо, Ленни.

Мне даже не нужно смотреть на нее, чтобы понять, как ей обидно. Когда я все-таки поднимаю глаза, ее уже нет. Мне хочется побежать за ней, взять у нее чайник, налить себе чаю и рассказать бабуле обо всем, что я думаю и чувствую.

Но я этого не делаю. Я слышу, как она включает душ. Теперь бабуля часами сидит в душе, и я знаю почему: она думает, что может плакать там, а мы с дядюшкой ее не услышим. Но мы слышим.

Экспонат Б: я переворачиваюсь на спину, сжимая в руках подушку, и через секунду уже покрываю ее и воздух возле кровати неприлично страстными поцелуями. Что, опять? Что со мной не так? Какая девушка захочет на похоронах расцеловать всех присутствующих парней? А потом облапать одноклассника на дереве после того, как прошлой ночью обжималась с женихом собственной сестры? И, кстати, какая девушка вообще станет обжиматься с женихом сестры?

Позвольте мне отказаться от всякой ответственности за свой разум, потому что я уже совершенно ничего не понимаю. Раньше я о сексе и не думала почти. За четыре года я трижды поцеловалась на вечеринках. Кейси Миллер по вкусу был похож на хот-дог. Данс Розенкранц шарил под моей рубашкой так, словно искал попкорн в полупустом ведре. Джаспера Штольца я поцеловала, потому что Сара заставила меня в восьмом классе играть в «бутылочку». И каждый раз я чувствовала, будто внутри меня поселилась медуза. Ничего похожего на то, что было у Хитклиффа и Кэти, леди Чаттерли и Оливера Меллорса, мистера Дарси и Элизабет Беннет! Я, естественно, всю жизнь верила в то, что страсть случается мгновенно и неизбежно, как Большой взрыв, но только в теории, в книгах, которые потом возвращаются на полку. Мне хотелось бы испытать такую любовь, но вряд ли со мной такое произойдет. Большая любовь – удел эмоциональных главных героинь вроде Бейли. Но теперь я словно с ума сошла: целую все, что попадает на глаза. Подушку, кресла, дверные рамы, зеркала. И представляю при этом единственного человека, которого мне не надо бы представлять. Того, кого я, как обещала сестре, никогда больше не буду целовать. Человека, с которым мой страх становится чуточку меньше.

Хлопает входная дверь, вырывая меня из запретных объятий Тоби.

Это пришел дядюшка Биг. Экспонат В: я слышу его топот, он направляется прямо в гостиную, где пару дней назад выставил свои пирамиды. Плохой знак.

Он построил их много лет назад, основываясь на какой-то тайной геометрии египетских пирамид. (Ну а что? Этот парень еще и с деревьями разговаривает.) Если верить дядюшке, его творения, как и их прототипы с Ближнего Востока, обладают сверхъестественной силой. Он верит, что эти сооружения могут продлевать жизнь срезанным цветам и фруктам и даже воскрешать жуков. Он время от времени кладет мертвых букашек под свои пирамиды в целях эксперимента. Когда на него накатывало по части пирамид, мы с бабулей и Бейли часами обыскивали дом в поисках мертвых мух и пауков, а поутру бежали к пирамидам, надеясь стать свидетелями воскрешения. Чуда мы так и не дождались. Но стоит дядюшке Бигу всерьез расстроиться, как в нем просыпается некромант и приносит с собой пирамиды. На этот раз он полон энтузиазма. У него точно все получится. В прошлый раз он просто забыл провести под каждую пирамиду провод с подключенным током.

Немного позже дядя Биг, укуренный в хлам, проплывает мимо открытой двери в мою комнату. Он в последнее время так усиленно употребляет травку, что реет над нами с бабулей, точно огромный воздушный шар. Когда вижу его, меня так и тянет привязать его к стулу.

Он проходит мимо моей двери, делает пару шагов назад и на секунду задерживается у входа:

– Завтра я доложу парудохлых мотыльков, – замечает он, словно продолжая давно начатый разговор.

– Отличная идея, – киваю я.

Он кивает в ответ и плывет в свою комнату, где, возможно, улетает в окно. Вот так мы и живем уже два месяца с лишним. Не дом, а психиатрическая лечебница.

На следующее утро бабуля, вымытая и обернутая в полотенце, готовит нам на завтрак пыль и пепел. Дядя Биг обыскивает чердак в поискахдохлых мотыльков, которых можно было бы положить под пирамиды. Я пытаюсь не расцеловать ложку взасос. И тут внезапно раздается стук в дверь. Мы застываем на месте в ужасе от мысли, что кто-то может стать свидетелем нашего молчаливого горя. Я на цыпочках крадусь ко входу, чтобы пришелец не догадался, что мы дома, и

заглядываю в глазок. Это Джо Фонтейн. Вид у него, как обычно, до крайности заинтересованный, словно дверь рассказывает ему анекдоты. В руке он держит гитару.

– Прячьтесь! – шепчу я. Пусть лучше все мальчишки остаются в моих похотливых мечтах и не появляются перед дверью дома, где все с недавнего времени вверх тормашками. Особенно этот менестрель. Я после окончания занятий ни разу не доставала кларнет и не испытываю ни малейшего желания репетировать летом.

– Чепуха! – Бабуля пробирается к двери, уже облаченная в пурпурную размахайку и с тюрбаном из розового полотенца на голове. – Кто там? – спрашивает она шепотом, на сотни децибел громче ее обычного голоса.

– Это новичок из оркестра, бабуль, я не могу сейчас с ним говорить, – я размахиваю руками, прогоняя бабушку обратно на кухню.

Я забыла, что еще делать с губами, кроме как целовать мебель. Разговаривать я точно разучилась. Я не виделась ни с кем из школы, да и не хочу. Я не перезвонила Саре, которая теперь пишет мне длиннющие письма-эссе по электронной почте, рассказывая, как она не осуждает меня за Тоби. Читая их, я понимаю, насколько сильно она меня осуждает. Я прячусь на кухне, вжимаюсь в угол, молюсь о даре невидимости.

– Ну-ну, вот и трубадур, – говорит бабуля, открывая дверь. Видимо, она уже обратила внимание на гипнотическое лицо Джо и принялась флиртовать. – А я-то думала, что за окном уже XXI век...

Еще немного, и она замурлычет. Я должна спасти Джо.

Неохотно выхожу из укрытия и присоединяюсь к святейшей соблазнительнице. У меня есть возможность как следует его разглядеть. Я уже и забыла, как он сияет. Словно принадлежит другой расе, у которых по венам бежит не кровь, а свет. Разговаривая с бабулей, он размахивает чехлом с гитарой. Спасать его, видимо, не надо: кажется, происходящее его забавляет.

– Привет, Джон Леннон, – он одаряет меня ослепительной улыбкой, словно мы и не посорились тогда на дереве.

«Что ты тут делаешь?» – думаю я так громко, что моя голова вот-вот взорвется.

– Да что-то давно тебя не видел.

На секунду он смущается, и у меня перехватывает дыхание. Ох, похоже, придется мне воздерживаться от мужского общества, пока не научусь справляться с этими неконтролируемыми реакциями.

– Входите же, молю, – обращается к нему бабуля, точно к какому-то рыцарю. – Я как раз готовила завтрак.

Он вопросительно смотрит на меня, проверяя, не против ли я. Бабушка возвращается на кухню, не прекращая речей:

– Можете сыграть нам что-нибудь для поднятия духа.

Я улыбаюсь ему (невозможно не улыбнуться!) и жестом приглашаю войти. На кухне я слышу, как бабуля обращается к дядюшке Бигу в том же куртуазном духе:

– Осмелюсь заметить, юный джентльмен одарил меня взмахом своих невероятных ресниц.

Мы не принимали гостей с самых похорон и не знаем, как себя вести. Дядя Биг, похоже, спустился на землю и опирается на метлу, которой сметал мертвецов. Бабуля с лопаткой в руке стоит посреди кухни, ослепительно улыбаясь. Нет никаких сомнений, что она забыла, во что одета. А я сижу у стола, словно жердь проглотила. Мы все молчим и таращимся на Джо, словно он телевизор, который, как мы надеемся, вот-вот включится сам по себе.

Так и происходит.

– Ну и садище у вас! Никогда не видел таких огромных цветов. Мне уже показалось, что они отрежут мне голову и поставят в вазу! – Он трясет головой, и пряди падают ему на глаза. Какое очарование. – Слово сад Эдемский.

– Осторожнее с Эдемским садом. Все эти искушения, знаешь ли, – громовые раскаты дядюшкиного голоса приводят меня в замешательство. В последнее время он, к большому неудовольствию бабули, разделял мой обет молчания. – Понюхаешь бабулины цветы – и хлопот сердечных не оберешься.

– Правда? Каких, например?

– О, самых разных. Говорят, например, что от аромата роз расцветает безумная любовь.

Джо украдкой кидает на меня взгляд. Ого! Или мне это показалось? Он опять смотрит на дядюшку, который продолжает разглагольствовать.

– Сужу по себе и своим пяти бракам, это сущая правда, – он одаряет Джо широкой улыбкой. – Кстати, меня зовут Биг. Я Ленин дядя. Видимо, ты совсем недавно приехал, иначе сам бы уже знал.

Джо уже знал бы, что дядя Биг – местный Дон Жуан. Если верить слухам, когда подходит время ланча, женщины со всех окрестных мест собираются на пикник и идут разыскивать дерево, в котором прячется дядюшка. Они надеются получить приглашение на обед, который проходит в его бочке, высоко среди ветвей. Поговаривают, что вскоре после таких обедов одежды падают с дерева, точно осенние листья.

Я наблюдаю, как Джо осматривает дядю: его гигантский рост, безумные усищи. Видимо, увиденное ему нравится, потому что улыбка его делает комнату на несколько тонов светлее.

– Ага, мы переехали из города пару месяцев назад, а до этого жили в Париже...

Так, похоже, он не прочел объявление на двери, где предлагается не упоминать Париж, если бабуля находится в радиусе километра. Она уже разливается соловьем, восхваляя французов, но Джо, похоже, разделяет ее энтузиазм. Он принимается причитать:

– Ох, если бы мы только остались там...

- Ну-ну, - обрывает его бабуля, грозя пальцем.

О нет! Вот она уже уперла руки в бока. И вот оно, началось. Нараспев бабуля произносит:

- Если бы у меня на попе были колеса, я стала бы трамваем!

Так бабуля борется с нытьем. Я в шоке, но Джо раздражается смехом.

Бабуля влюбилась, и я ее не виню. Она взяла Джо за руку и проводит ему экскурсию по дому, показывает своих изящных дам, которые вызывают у него неподдельное и понятное восхищение, о чем я могу судить по его восклицаниям на французском. Дядюшка возобновляет охоту за мертвыми жучками, а я снова принимаюсь мечтать, только уже не о ложке, а о Джо Фонтейне. Я слышу их голоса из гостиной. Они явно стоят перед полумамой: все, кто приходит в дом, реагируют на нее одинаково.

- Какая неземная, - говорит Джо.

- Хммм, да... Это Пейдж - моя дочь. Мама Ленни и Бейли. Мы уже очень-очень давно ее не видели... - Я в шоке! Бабуля почти не говорит о маме по своей воле. - Однажды я закончу эту картину. Она еще не завершена.

Бабуля всегда говорила, что закончит картину, когда мама вернется домой и снова ей попозирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Изысканный (фр.).

2

Я учу французский.

Купить: https://tellnovel.com/nel-son_dzhendi/nebo-povsyudu

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)